

0-784386

На правах рукописи

Константинов Николай Николаевич

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ 1945–1991 ГОДОВ
В ИСТОРИОГРАФИИ:
НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Специальность 07. 00. 09 – историография,
источниковедение и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2010

**Работа выполнена на кафедре истории и политологии ГОУ ВПО
«Уральский государственный экономический университет»**

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Трофимов Андрей Владимирович

Официальные оппоненты: член-корреспондент РАН, профессор
Головнев Андрей Владимирович
кандидат исторических наук, доцент
Цепилова Вера Ивановна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Омский государственный
университет»

Защита состоится 13 октября 2010 г. в 13.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Учреждении Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 56).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

Автореферат разослан «9» сентября_2010 г.

Ученый секретарь
Диссертационного
совета, доктор исто-
рических наук

Е.Г. Неклюдов

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000728497

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы. Последние десятилетия истории человечества характеризуются выдвиганием на первый план проблем, связанных с разнообразием укладов жизни. Фрагментация обществ, усиление националистических и сецессионистских движений, рост числа кровопролитных столкновений и террористических актов делают не просто желательным, но и насущно необходимым обращение к изучению антропологического разнообразия и его следствий для развития отдельных социумов и человечества в целом. Распад привычного культурного ландшафта приводит к попыткам прогнозирования тенденций изменений, получающих различные интерпретации: 1) «столкновение цивилизаций» (изоляционистские); 2) «мультикультурализм» (в рамках которых фиксируется сформировавшаяся фрагментарность); 3) интеграционные (постулирующие грядущий синтез). В связи с этим особый интерес представляет изучение опыта социумов, характеризовавшихся разнообразием жизненных укладов в ретроспективе процессов интеграции и дезинтеграции, консолидации и дифференциации.

Актуальность осмысления опыта изучения Советского Союза 1945–1991 гг. состоит в том, что:

во-первых, составляющей его была организация на 1/6 части суши многочисленного, разделенного культурными и конфессиональными барьерами населения, которая может рассматриваться в качестве прелюдии к планетарным процессам интеграции;

во-вторых, анализ распада СССР в 1991 г. может помочь понять «подводные камни» на пути интеграции человеческих социумов;

в-третьих, представителями ведущих историографических традиций (российской и англо-американской) накоплены значительное количество трудов, идей и концепций, которые до сих пор не были объектом комплексного историографического исследования.

Объектом исследования является история научного изучения СССР периода 1945–1991 гг. как «национального» и «этнического» феномена, представленная в комплексе опубликованной (исторической, этнологической, социологической, политологической) литературы.

Предметом исследования являются основные тенденции историографического процесса, включая динамику основных категорий и понятий, а также выстраиваемые на их основе модели, концепции развития СССР 1945–1991 гг. как исторического фе-

номена в измерениях «этнического» и «национального» в российской и англо-американской историографических традициях.

Цель настоящего исследования состоит в комплексной реконструкции процесса аналитического постижения Советского Союза 1945–1991 гг. как полиэтнического и многонационального исторического феномена, а также в выявлении основных направлений его изучения и определении их перспектив.

Для достижения поставленной цели ставятся следующие **задачи**.

Системно описать основные историографические традиции (российская и англо-американская) в период с середины 1940-х г. по настоящее время.

Рассмотреть сложившиеся в историографии концепции СССР: «многонационального государства»; «империи»; «нации»; «сверхнационального», «антинационального» государства.

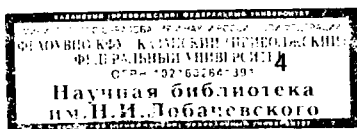
Проанализировать основные категории, принципы и методы описания истории СССР как национально и этнически гетерогенного исторического феномена.

Установить основные тенденции в исследованиях Советского Союза 1945–1991 гг. как этнически и национально гетерогенного исторического феномена.

Хронологические рамки исследования охватывают историографический процесс начиная с 1945 г. до настоящего времени в советской и англо-американской историографической традициях. Выбор нижней даты обусловлен тем, что с середины 1940-х гг., в связи с оформлением послевоенного мироустройства и ролью СССР в нем, он оказался объектом пристального внимания со стороны исследователей и пропагандистов в ведущих научных центрах, каковым и продолжает быть до настоящего момента.

Территориальные рамки исследования охватывают географию научных центров, в которых результаты исследований публиковались на русском (СССР и его бывшие государства-члены, центры эмиграции и хранения самиздата в странах Запада), и английском (Великобритания, США, Канада, Австралия) языках.

Степень изученности темы. В связи со спецификой предмета исследования и с поставленной целью можно выделить два подхода в изучении предмета. В рамках первого подхода выполнены труды исследователей, предметом изучения которых было отношение к полиэтничности в российской науке через призму изучения «другого» (например, иных этнокультурных, этнокон-

фессиональных групп) и определения его места в историографической картине России/СССР¹.

В рамках второго подхода авторы фокусировались на истории исследований, предметом которых были этническое и национальное измерение истории СССР 1945–1991 гг. Вследствие новизны тематики, которую начали освещать только с конца 1940–начала 1950-х гг., историографический ее анализ как самостоятельного направления исследований в монографической форме не успел развиться к моменту идеологических изменений рубежа 1980–1990-х гг., сопровождавшихся сменой приоритетов исследований. Монографии, сборники и статьи, объектом внимания которых были работы советских исследователей, представляли собой тематический обзор изданной литературы². В предшествующие годы работы, затрагивавшие этническую и национальную проблематику, рассматривались как срез той или иной сферы истории советского общества (например, рабочего класса, народного хозяйства, культуры, национальных республик)³. К этим трудам примыкают историографические работы, в которых историография выступает материалом для исследования сфер политической и общественной жизни, например «национальной истории»⁴. Одновременно в СССР существовало самостоятельное направление историографических исследований, объектом внимания представителей которого была зарубежная историография. Задачей этих исследователей было опровержение тех ее выводов,

¹ Батунский М.А. *Россия и Ислам: В 3-х тт.* М., 2003; Соколовский С.В. *Образы Других в российской науке, политике и праве.* М., 2001; Slezkine Y. *Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North.* Ithaca, 1994.

² Куличенко М.И. *Образование и развитие советского народа как новой исторической общности (историография)* // ВИ 1979. №4. С. 3–23; Национальная политика КПСС: *Очерк историографии.* М., 1981; Потапов Л. П. *Некоторые итоги и задачи этнографического изучения социалистической культуры и быта народов СССР* // *Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР: Сб. статей по материалам сессий научного совета.* М., 1962 С. 203–220.

³ *Очерки истории исторической науки в СССР: Т. V.* М., 1985; См. также: *Историография истории СССР (эпоха социализма).* М., 1982; *Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС.* М., 1978; *Советская историческая наука в 1975-1979 гг.* М., 1980.

⁴ *Национальные истории в советском и постсоветских государствах.* Изд. 2-е. М., 2004; *Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: Старые и новые образы в современных учебниках истории.* М., 2003.

которые противоречили идеям советского обществознания⁵. В англо-американской историографии специальные работы, в которых анализировался опыт изучения СССР как полиэтничного социума, появились лишь в 1990-е гг.⁶ В российской науке 1990-х гг., вследствие отхода от скрупулезного изучения полиэтничного СССР, не уделялось внимание историографии проблемы, а публикации советских лет по этой теме характеризовались как устаревшие⁷. В 1990-е гг. выходили обзоры изданной после 1991 г. научной литературы⁸. Скептическое отношение к достижениям советских обществоведов имело следствием преимущественный интерес к опыту зарубежных исследователей. И уже в начале 2000-х гг. вышли историографические исследования различных аспектов изучения полиэтничного СССР 1945–1991 гг. в Великобритании (об исследованиях советского среднеазиатского ислама)⁹, Казахстане (о Советской Средней Азии)¹⁰ и России¹¹. В качестве особого направления историографических исследова-

⁵ См. например: Критика фальсификаций национальных отношений в СССР. М., 1984.

⁶ Olcott M. B. *Soviet Nationality Studies Between Past and Future* // Orlovsky, Daniel (ed.). *Op.cit.* P. 135–148; Suny R. G. *Rethinking Soviet Studies: Bringing the Non-Russians Back In* // Orlovsky, Daniel (ed.) *Op.cit.* P. 105–134.

⁷ Тишков В.А. *Реквием по этносу*. М., 2003.

⁸ Аманжолова Д.А. *Историография изучения национальной политики // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*. М., 1996 С. 308– 31; Семенов А. *Англо-американские исследования по истории Российской империи и СССР // Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань, 2004. С. 613–628; Тишков В.А. *Этнический фактор и распад СССР: Варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов*. М., 2005. С. 588–600; Гагагова Л.С. *Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*. М., 1996 С. 332–353; Бахтурина А.Ю. *Имперская государственность и российская этнополитика // Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя*. М., 2003 С. 246–267.

⁹ Myer W. *Islam and Colonialism. Western Perspectives on Soviet Asia*. L.: Routledge, 2002.

¹⁰ Бырбаева Г. *Центральная Азия и советизм: Концептуальный поиск евро-американской историографии*. Алматы, 2005.

¹¹ Поварницын Б.С. *Русский вопрос глазами американцев: Американская историография 1985-2000 гг. о положении русских в СССР и в постсоветских государствах*. Пермь, 2002; Его же. *Англо-американская историография национальной политики СССР и постсоветских государств 1985 - 2000 гг.: дис. ... д-ра ист. наук*. М., 2003.

ний можно выделить: историографию сталинизма¹²; историю этнографии¹³, включая, анализ основополагающих концепциям этнологии («теории этноса»)¹⁴, написание интеллектуальных биографий исследователей¹⁵.

К настоящему моменту историографическая изученность проблемы носит, во-первых, фрагментарный характер. Во-вторых, объектом историографического анализа оказывались отдельные научные дисциплины (этнография), а также структурные элементы Советского Союза, вычлененные на основе этнических и национальных критериев. Комплексного историографического анализа, в рамках которого СССР 1945–1991 гг. рассматривался бы как целостный этнически и национально гетерогенный феномен не производилось.

Источники, использованные в настоящем исследовании, разделены на собственно историографические источники и исторические источники.

Историографический источник определяется как любой источник познания историографических явлений (идей и концепций) и фактов (публикаций)¹⁶. Историографические источники составили проблемные исследования по истории, этнологии, социологии и политологии. Поскольку Советский Союз был этнически и национально гетерогенным историческим феноменом, в исследовании анализируется литература, посвященная проблематике общесоюзного уровня.

Они (700 наименований) разделены на следующие виды:

1) индивидуальные монографии, в которых рассматривались частные проблемы, а также синтетические труды, в которых

¹² Аманжолова Д.А. Сталинизм в национальной политике: некоторые вопросы историографии // Историография сталинизма. Сборник статей / Под ред. Н.А. Симония. М., 2007 С. 321–355; Андросов А.А. Трагедия народов: коллаборационизм и этнические депортации в исторической литературе // Там же. С. 262–273; Поварнищын Б.С. Историография сталинской этнополитики: от политической конъюнктуры – к научному знанию // Там же. С. 356–414.

¹³ Соловей Т.Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX – начало XXI вв.). М., 2004.

¹⁴ Гиренко Н. М. Этнос. Культура. Закон. СПб., 2004.

¹⁵ Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960-1990-е годы. М., 2003; Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004.

¹⁶ Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997 С. 184–185.

предлагалось авторское видение проблемы «этнического» и «национального» в СССР в целом (401);

2) коллективные монографии, в которых подводились итоги концептуальных, методологических разработок и изучения эмпирического материала (125);

3) статьи в тематических сборниках трудов и научной периодике, в том числе материалы дискуссий и конференций, позволяющие проследить генезис идей и их рецепцию в общую картину СССР, принятие одних и отвержение других, представляющих интерес в качестве альтернативных трактовок обсуждавшихся процессов (169);

4) научно-популярная и учебная литература, в которой в наиболее яркой степени находят свое отражение доминирующие в среде историков представления и идеологические установки (5).

Массив историографических источников был разделен на два историографических комплекса: российский и англо-американский.

Привлекались исторические источники, содержащие ценный материал для интерпретации путей исторического познания, развития институциональной базы исследований:

1) выступления официальных лиц и директивы органов власти, выступавшие в виде исходных установок для исследований в советском общественном знании;

2) публицистика (историческая, философская, культурологическая), в которой затрагиваются проблемы «этнического» и «национального» применительно к СССР 1945–1991 гг. Она особенно значима при анализе отношения к изучаемой проблеме представителей неофициальной советской исторической мысли (диссидентов), высказывавших свои идеи, как правило, в свободной, не соответствующей академическим стандартам, форме;

3) источники личного происхождения, включая воспоминания исследователей (А.Г. Авторханов, Р.Ш. Ганелин, И.С. Кон, И.И. Минц, Р. Пайпс, К.В. Чистов), государственных и общественных деятелей (А.И. Микоян, Н.А. Мухитдинов, Д. Мэтлок, А.Д. Сахаров, Т.У. Усубалиев) и обывателей (Г.Н. Успенская), позволяющие выяснить их отношение к «этническому» и «национальному» в повседневности;

4) в продолжение последних привлекалась художественная литература, включая «социологические романы» А.А. Зиновьева, очерки путешествий по СССР А.Г. Битова, В.С. Гроссмана, Ю.А. Карабчиевского в которых в литературной форме описывалась советская действительность.

Методология и методы. Основополагающими для диссертационного историографического исследования являются принципы историзма, стремления к научной объективности и системности анализа. Для исследования историографического материала использовались методы историко-генетического, компаративистского, структурного анализа. В интерпретации исторического процесса и его постижения автор диссертации опирался преимущественно на работы представителей «критической философии истории»¹⁷. В связи с привлечением работ представителей различных гуманитарных дисциплин исследование носит междисциплинарный, проблемный характер.

В качестве исходной для анализа была взята практика описания и объяснения социальной реальности прошлого в категориях «этнического» и «национального», что позволило абстрагироваться от ведущихся дискуссий о природе последних. Мы опирались на труды представителей «номиналистического» направления (Б. Андерсон, П.М. Бицилли, Э. Геллнер, Н.М. Гиренко, В.А. Тишков, Э. Хобсбаум¹⁸), сфокусировавшихся на анализе путей формирования «национального» и «этнического» как способов структурирования представлений и знаний о социальной действительности. «Этническое» понимается ими как знаковая система, охватывающая повседневное существование людей безотносительно к сфере политики. Поскольку знаковые системы создаются в ходе взаимодействия индивидуумов, то разнообразие индивидуумов, условий и факторов их существования влечет за собой различия между этими системами. Знаковые системы не совпадают с социальными. «Национальное» связано с феноменом государства (существующего или потенциального) и существует автономно от этнического, хотя и может быть результатом политизации последнего.

Научная новизна исследования состоит в том, что, во-первых, производится систематический анализ концепций, базовых понятий, принципов и методов описания, направлений ис-

¹⁷ Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага, 1925; Его же. Основни насоки въ историческото развитие на Европа отъ началото на християнската ера до наше време. София, 1940; Арон Р. Измерения исторического сознания. М., 2004; Пятигорский А.М. Избранные труды. М., 1996; Его же. Алексеев О.Б. Размышляя о политике. М., 2008.

¹⁸ Тишков В. А. Реквием по этносу. М., 2003; Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. L., 2006; Gellner E. Nations and nationalism. Ithaca, 1983; Hobsbawm E. J. Nations and nationalism since 1780: programme, myth, reality. Cambridge, 1990.

следований, интерпретаций СССР 1945–1991 гг. как этнически и национально гетерогенного феномена истории человечества. Во-вторых, в том, что историографические источники рассматриваются в сравнительно-историческом контексте двух историографических традиций (русской и англо-американской), которые, в-третьих, анализируются в единстве своего развития как в советский, так и в постсоветский (современный) этапы своего развития. В-четвертых, в том, что предметом внимания в исследовании является нарратив общесоюзной истории, в то время как до сих пор в центре внимания исследователей находились республиканские национальные истории.

Практическое значение исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при написании истории Советского Союза 1945–1991 гг. и проблемных исследований, а также в учебном процессе.

Апробация результатов исследования. Основные положения, результаты исследования по теме диссертации были изложены в докладах на четырех выступлениях на межвузовских конференциях молодых ученых (2008, 2009 гг. – Екатеринбург), а также двух всероссийских конференциях (2009, 2010 гг. – Екатеринбург) и девяти публикациях общим объемом 3,3 п. л.

Структура работы определяется задачами диссертационного исследования. Она состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных историографических и исторических источников, списка сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, обозначаются объект и предмет исследования, анализируется степень изученности проблемы, формулируются цели и задачи исследования, определяются его хронологические и территориальные рамки, методологические принципы исследования, характеризуются использованные источники, выявляются научная новизна и практическая значимость исследования.

В первой главе «Историографические традиции в изучении национального и этнического измерений истории СССР 1945–1991 годов» рассматривается процесс становления и развития структуры исследований СССР периода 1945–1991 гг. в двух основных мировых историографических традициях, объектом внимания которых был СССР, начиная с середины 1940-х гг.: русской и англо-американской.

В первом параграфе первой главы «Российская историографическая традиция и исследование этнического и национального аспектов истории СССР» исследования Советского Союза середины 1945–1991 гг. вводится в более широкий контекст изучения истории страны в этническом и национальном измерении в XX веке в трудах советских, постсоветских российских и эмигрантских исследователей. Развитие российской историографической традиции делится на два этапа: 1) советский (середина 1940-х – начало 1990-х гг.) и 2) российский (с начала 1990-х гг.).

Периодизация истории изучения национального и этнического измерений СССР в советской историографии включает:

1) в период середины 1940–1960-х гг. шло формирование направления, завершившееся дискуссиями о типе сложившейся к 1960-м годам общности народов СССР;

2) период 1970-х – середины 1980-х гг. характеризовался расцветом направления на основе описания процессов развития «новой исторической общности – советского народа»;

3) в период середины 1980-х – начала 1990-х гг. пересматривались прежние оценки советской модели развития и шел поиск новых тем (национализм, «Советская Азия») и подходов (конструктивизм) к описанию процессов, протекавших в Советской Евразии начиная с середины 1940-х гг.; он завершился тем, что часть исследователей восприняла новейшие зарубежные концепции.

Основополагающей тенденцией развития советской историографии СССР 1945–1991 гг. проблемы были дифференциация подходов к изучению СССР и разделение научного сообщества. Результатом было формирование сложной структуры, каждый из элементов которого обладал положительной динамикой и напряженностью интеллектуальной жизни.

Основными сегментами советской историографии были: Во-первых, официальный (легальный), подсегменты которого различались по степени идеологичности взгляда их представителей на советскую действительность. Различия проявлялись в широком диапазоне – начиная с работ обществоведов, в которых в рамках марксизма-ленинизма описывался процесс укрепления общности советских народов, и завершая работами этносоциологов (Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева) и демографов (А.Г. Вишневский, В.И. Козлов, Ш.Х. Кадыров), в своих монографиях указывавших, хотя и осторожно, на актуальные проблемы страны. Во-вторых, диссидентский (нелегальный), представители которого, будучи вытесненными из государственной системы научных

коммуникаций, описывали советскую действительность без оглядки на государственную идеологию (А.А. Амальрик, Г.Д. Гачев, М.Я. Гефтер, А.А. Зиновьев, Г.С. Померанц, А.Д. Сахаров). Диссиденты затрагивали, в частности, проблемы этнополитической стабильности в СССР, которые либо обходили стороной, либо описывали эзоповым языком представители первого сегмента (этносоциологи).

Выделяются семь направлений описания этнокультурной сложности СССР. Во-первых, изучение истории национальностей СССР. Во-вторых, этнографическое описание представителей малых «национальностей»-«народностей», их быта, традиционного и нового социалистического. В-третьих, междисциплинарное исследование этнических и национальных процессов (этносоциология). В его рамках акцентировалось внимание на процессах консолидации этносов за счет субэтнических групп, развитии социальной структуры социалистических наций и укреплению связей между ними, формировании социальной однородности в СССР. В-четвертых, анализ успешности социалистической трансформации обществ Советского Востока. В-пятых, рассмотрение политики КПСС в отношении национальностей («национальной политики»), объектом которой предстает многонациональный СССР в целом или его наднациональные регионы, его развитие в связи с аспектом этнокультурной сложности. В-шестых, описание процессов развития общности народов СССР, сначала обозначавшейся понятием «дружбы народов СССР», которое с 1960-х гг. было оттеснено на задний план понятием «советского народа». В-седьмых, обобщение данных, полученных представителями различных научных направлений в трудах по истории СССР, в которых, в связи с поставленной перед ними сверхзадачей интеграции национальностей страны, в той или иной степени должен был отображаться аспект многонациональности/этнокультурной сложности.

Представители русской эмиграции середины 1940-х – начала 1990-х гг. рассматривали такие вопросы, как: историческая сущность СССР; этнополитическая стабильность (Г.П. Федотов), репрессии против этнических и этноконфессиональных групп в СССР (А.Г. Авторханов, Н.Декер); история и память как средства и зеркала национальной политики (П. Урбан); русский национализм (А.Л. Янов); партийный аппарат в его отношении к республикам (М.С. Восленский, И.Г. Земцов); советский человек (П.Л. Вайль и А.А. Генис, М.Я. Геллер, А.Д. Синявский).

Дезинтеграция СССР привела к переориентации исследователей на решение проблем идентификации и легитимации воз-

никших на его основе государств, включая Россию; забвению полиэтничного СССР как объекта исследования и прекращению существования целых направлений исследований, прежде всего в наибольшей степени связанных ранее с официальной идеологией. По этой причине было выделено два периода в изучении этнического и национального измерений истории СССР 1945–1991 гг. в постсоветской российской историографии.

Период 1990-х гг. характеризовался спорадическим появлением индивидуальных и коллективных трудов, а также практически полным исчезновением статей по проблематике из журналов «Вопросы истории» и «Отечественная история». Основными темами, привлекавшими исследователей в те годы, были: репрессии в отношении народов СССР в период позднего сталинизма, национальная политика в СССР в целом, русские, положение которых в СССР 1945–1991 гг. впервые стало объектом монографических исследований, а также ряд работ по истории конкретных историко-культурных регионов СССР (Н.Ф. Бугай, А.И. Вдовин, П.В. Волобуев, Р.Г. Ланда, В.А. Тишков, Р.М. Шукуров, Ш.М. Шукуров); этнические конфликты конца 1980-х гг. (А.Г. Здравомыслов). Однако главным содержанием этого периода стало освоение сообществом российских историков концепций и подходов западных исследователей по переводным работам.

Результаты этого процесса в полной мере проявились уже в следующий период 2000-х гг. В эти годы к прежним вопросам добавились такие темы, как типология СССР; изучение истории и положение в СССР государств, с которыми у России после распада СССР складывались напряженные отношения (Прибалтийские республики, Украина, республики Кавказа); механизм и ход распада СССР, русский национализм, «еврейский вопрос» в СССР, республики Российской Федерации, языковая ситуация в СССР (В.М. Алпатов, Е.Т. Гайдар, Е.Ю. Зубкова, С.И. Каспэ, Г.В. Костырченко, А.И. Солженицын, В.С. Соловей, В.А. Шнирельман).

Во втором параграфе первой главы «Англо-американская историографическая традиция и исследование этнических и национальных факторов советской истории» освещается ход разработки выделенного аспекта истории СССР середины 1940-х–1991 гг. исследователями США, Великобритании, Канады в период после 1945 г. Развитие англо-американской историографической традиции делится на два этапа: 1) «советологический» (середина 1940-х – начало 1990-х гг.) и 2) современный (с начала 1990-х гг.).

В период 1945–начала 1970-х гг. шло формирование институциональной базы и кадрового состава исследователей. Показано, что на начальном этапе в изучении проблем национализма и этничности в СССР (до середины 1960-х гг.) преобладали британские исследователи (В. Коларц, Р. Конквест, А. Ноув, Х. Сетон-Уотсон). Период с начала 1970-х до конца 1980-х гг. характеризовался стабильностью функционирования сферы исследований в качестве академической дисциплины «исследование национальностей» (“nationality studies”), основными представителями которой были Э. Оллворт, Р. Пайпс, Т. Раковска-Хармстоун, Л. Тиллет. Период конца 1980-х – начала 1990-х гг. сопровождался повышенным вниманием зарубежных исследователей к сопровождавшим «перестройку» всплескам национализма в СССР и поисками адекватных методов анализа протекавших в СССР процессов (А. Мотыль, Р. Суни).

Современный этап развития, продолжающийся с начала 1990-х гг., характеризуется методологическим переходом от примордиалистского восприятия этничности к конструктивистскому, отраженному в трудах исследователей старшего (Р. Суни), среднего (Ю. Слезкин, Р. Кайзер, М. Бейссингер) и младшего (К. Браун, Г. Дерлугьян, Т. Мартин, Ф. Хирш) поколений. «Методологический переворот» состоит в переходе от изучения «национальностей» как неизменных в своей сущности коллективных субъектов культурного и политического процессов к исследованию «национальных идентичностей», т. е. сознательно создаваемых в ходе взаимодействия людей знаковых систем, отражающих формы коллективной солидарности. Критика советологии за ангажированность и неспособность советологов спрогнозировать крах СССР, а также исчезновение прежнего объекта исследований (СССР) завершились дискуссиями о наименовании новой регионаловедческой дисциплины и пространства бывшего СССР, а также степени применимости к ним обозначения «Евразия». В результате вокруг «русской истории»/«истории России» образовалась комплексная дисциплина «евразийские исследования», в рамках которой объединяются автономные «дрейфующие» комплексы дисциплин по изучению того или иного региона бывшего СССР (Центральная Евразия – Поволжье, Центральная Азия, Кавказ и Закавказье; Центральная и Восточная Европа).

В настоящий момент комплекс работ по истории СССР 1945–1991 гг. складывается из двух пластов: во-первых, из работ советологического периода, в которых состояние объекта отражено на момент их публикации и которые относительно равномерно отображают процессы и ход событий данного периода; во-

вторых, из исторических и политологических трудов 1990–2000-х гг., в которых, вследствие доступности исторических источников и специфики субъективных предпочтений, интерес исследователей распределяется в основном между феноменом сталинизма (1920-е – середина 1950-х гг.) и периодом «перестройки» (1985–1991 гг.). Период же 1953–1985 гг. отражен в относительно небольшом числе публикаций и, вследствие упомянутых причин, еще в редких случаях оказывается объектом самостоятельного интереса. Последнее имеет место лишь при изучении специфических для этой эпохи феноменов на основе доступных источников (самиздат, устные). Комплекс накопленных с 1990 г. историографических материалов, касающихся национального и этнического измерений истории СССР 1945–1991 гг., в настоящее время складывается на пересечении исследований различной проблематики (от социологических исследований в духе мирсистемного анализа до историографии и литературоведения) и разного хронологического охвата (от тысячелетней русской истории до небольших периодов, выделяемых в рамках этих 46-ти лет). Основопологающими в англо-американской традиции до сих пор остаются такие категории, как «империя», в меньшей степени – «многонациональное государство», но, прежде всего, «нация», поскольку использование первых двух производно от последней.

Во второй главе «Концепции полиэтнического СССР 1945–1991 годов» рассматриваются основные модели Советского Союза как этнически и национально гетерогенного феномена: «многонационального государства»; «империи»; «нации»; «сверх- (не-) национального образования».

В первом параграфе второй главы «Концепция СССР как “многонационального государства”» анализируется одноименная модель СССР, основная в советской историографии и прочно закрепившаяся в российской историографической традиции, несмотря на оттеснение ее в последние два десятилетия концепцией СССР как «империи».

В рамках концепции «советского многонационального государства» основным субъектом исторического процесса в СССР был признан коллективный субъект – «социалистическая нация»/«народ»/«этнос». Поэтому единство страны описывалось как их единство и характеризовалось устойчивым словосочетанием «дружба народов», отражавшим не только добровольность их единства, но и рассматривавшимся в качестве источника развития советского общества за счет постоянного стимулирования каждого народа к самосовершенствованию при взаимодействии с другими народами. Принцип добровольности был одним из важ-

нейших для советских обществоведов в характеристике СССР, поскольку на этом основании он противопоставлялся полиэтничным государствам, построенным на принципе насилия. Структурирование советского социума по этническому принципу было дополнено организацией в качестве основного элемента политической структуры СССР национально-государственных образований как эквивалента «национальных государств».

В научном обосновании этнополитической структуры СССР 1945–1991 гг. большую роль играли специалисты-этнографы и историки, хотя их возможности были сужены из-за априорно заданных идеологических установок. Примером этого служили два основных противоречия советского обществознания, вытекавшие из основополагающих принципов советской концепции «многонационального государства», поиски путей разрешения которых осуществлялись исследователями: проблема национального субстрата в республиках (народа и территории), а также национального происхождения и индивидуального самосознания. Из этого вытекал так и не разрешенный вопрос: чем же в целом был СССР – союзом народов (по советской терминологии, «национальностей») или же союзом национальных государств (т.е. национальных республик)?

Выделены две интерпретации многонациональности СССР в советской историографии. В рамках первой – «дифференциалистской» – структура СССР описывалась как статичная и неизменная, упор делался на народы, имевшие национальную государственность, возможная интеграция между которыми отодвигалась в невообразимо далекое будущее (И.М. Дзюба, Е.А. Дунаева, А.М. Егиазарян, И.П. Цамерян). В рамках второй – «интегралистской» – принципу национальной автономии противопоставлялся принцип территориальной автономии. Данная идея возникла вследствие двух выводов советских исследователей. Во-первых, идеологического, о разрешенности «национального вопроса» в СССР, вследствие которого значения национальной государственности должно было падать (П.Г. Семенов). Во-вторых, эмпирического, о возрастании степени многонациональности/импернацио-нализации республик, вследствие которой не титульные нации, а все население конкретной республики («трудящиеся») стало рассматриваться как «государствообразующее» (Ю.В. Бромлей, Э.В. Тадевосян, В.П. Шерстобитов, А.Н. Ямсков).

Основными направлениями исследований СССР как многонационального государства в являются: Во-первых, в советской историографии: 1) историко-обществоведческое (А.М. Панкрато-

ва, М.П. Ким, М.Д. Каммари, В.К. Козлов, Б.Г. Гафуров, М.С. Джунусов, И.П. Цамерян, Э.В. Тадевосян, В.П. Шерстобитов, М.И. Куличенко, Э.А. Баграмов); 2) этносоциологическое (Ю.В. Арутюнян, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижева) и этнодемографическое (А.Г. Вишневский, В.И. Козлов); 3) этнографическое (С.П. Толстов, Н.Н. Чебоксаров, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев). Во-вторых, в англо-американской историографии: 1) «статическое» (К. Ламон, О. Яновский); 2) «динамическое» (В. Аспатурян); 3) «институционализированной многонациональности» (Р. Брубейкер); 4) контекстуальное использование. В-третьих, в современной российской историографии: 1) продолжение историко-обществоведческого подхода (А.И. Молчанов); 2) цивилизационное (В.В. Трепавлов).

Во втором параграфе второй главы «Концепция СССР как “империи”» анализируется вторая важная модель Советского Союза, получившая преимущественное распространение после 1945 г. в зарубежье, прежде всего в англо-американской историографии и эмигрантском сегменте российской историографии, а в 1990–2000-е гг. – и в российской историографии.

Моделирование СССР в качестве «империи» строилось на признании насильственного характера поддержания его единства в противовес утверждениям советских обществоведов. Критика «империй» основывалась на признании примата ценностей воли и права выбора человеком своего пути, т. е. исходила из этических начал. Подразумевалось, что имперское господство сопряжено с подавлением реальной или подразумеваемой критикой воли сообществ империи к автономному развитию. Поэтому империя – механическое единство, основанное на подавлении воли к отделению, реально разобщенное, из-за отсутствия воли к совместной жизни и потому нелегитимное. Применительно к СССР в своем этическом измерении понятие «империи» приобрело характер отрицательного определения, т. к. аналитики стран Запада строили свое понимание СССР на основе отсутствовавших, а не имеющихся признаков.

В конце 1940-х – 1950-е гг. в результате изучения советского опыта организации государства (А. Даллин, В. Коларц, Х. Сетон-Уотсон, Р. Смаль-Стоцкий, К. Стал) сложилась модель описания СССР как «имперской политики», первоначальным источником которой была этико-политическая оценка советского режима. Основываясь на отрицательном определении, она тем не менее была наполнена положительным содержанием, которое стало восприниматься в качестве настоящей характеристики СССР как империи. Модель СССР как «империи» в данном изме-

рени строилась как сеть практик господства и принуждения со стороны одной нации/культуры по отношению к другим, находящимся в общем для них политическом пространстве. В политическом плане фиксировалось неравенство и фактическая иерархичность в положении национальностей и национальных территорий в рамках этнополитической структуры СССР, которые были свидетельством его имперской природе. Она легла в основу последующих работ на тему «Советской империи», которые публиковались следующим поколением исследователей в 1960–1980-е гг. (А. Беннигсен, Э. Каррер д’Анкосс, Р. Конквест, А. Мотыль, Р. Пайпс). В то же время, необходимо отметить, что во многих работах категория «империи» использовалась скорее в качестве фоновой, должной подчеркнуть отношение автора к полиэтническому контексту СССР при изучении частных научных вопросов.

Описание советского опыта во многом происходило через призму опыта страны нахождения исследователя. Например, британские исследователи рассматривали СССР преимущественно сквозь призму Британской империи, французские – французской колониальной империи, американские – «плавильного котла» США. В иных случаях на СССР экстраполировался опыт других «империй», как колониальных, так и континентальных (прежде всего восточноевропейских – Габсбургской и Османской).

В среде советских диссидентов и эмигрантов в период 1960–1980-х гг. постепенно распространялось представление о СССР как об империи, находившие выражение в самиздатовских и эмигрантских публикациях таких авторов, как А.Г. Авторханов, А.И. Амальрик, М.С. Восленский, М.Я. Геллер, А.А. Зиновьев, А.Д. Синявский. Понимание СССР как «империи» советскими диссидентами не отличалось от такового со стороны их западных коллег. Анализ советской действительности привел в 1970-е гг. к созданию модели СССР как «империи наоборот» (А.А. Зиновьев), в 2000-е получившей более широкое признание (Т. Мартин, В.А. Тишков). Новацией стало распространение в 1980-е гг. диалогического описания СССР как жесткой, в принципе нерформируемой системы, сформированной политическим гением И.В. Сталина, единственными направлениями развития которой были либо дальнейшая деградация, либо демонтаж (А.Г. Авторханов, М.Я. Гефтер, М.К. Мамардашвили, А.Д. Сахаров).

Распад СССР, сопровождавшая его активизация националистических сил, отсутствие продуктивных действий в его защиту привели к тому, что трактовка СССР как «империи», до этого скорее периферийная, вследствие дискредитации альтернативных

ей подходов стала в историографии 1990–2000-х гг. (прежде всего англо-американской) практически повсеместной (А. Каппелер, Д. Ливен, Р. Суни, Дж. Хоскинг), а словосочетание «Советская империя» превратилось чуть ли не в историческое (неофициальное, конечно) имя-заменитель СССР в англо-американской историографии. Широкое применение концепции «империи» наряду с изучением советского общества вызвало во второй половине 1990-х гг. дискуссию об адекватности данной категории (Л. Адамс, М. Бейссингер, Т. Мартин). Ее участники пришли к выводу, что категория «империи» не исчерпывает многообразия советской действительности, для анализа которой требуются новые категории, хотя бы и дополняющие друг друга.

В третьем параграфе второй главы «Альтернативные концепции СССР» анализируются модели СССР как «нации», «сверхнациональной», «антинациональной» общности, сложившиеся в период после 1945 г. Исходными для их формирования стали, во-первых, осознание ограниченности эвристического потенциала традиционных моделей («империи» и «многонационального государства»); во-вторых, стремление описать СССР в рамках базовой для первых двух категории «нации».

Отталкиваясь от миросистемного подхода И. Валлерстайна, можно выделить четыре уровня описания «наций» применительно к СССР.

На «экстерналино-системном», т. е. внешнем по отношению к государству-системе (или, собственно, миросистемном) уровне, политическое образование независимо от его самоописания характеризуется как «нация» – элемент структурирования планетарного сообщества, в том числе и СССР (И. Валлерстайн, Р. Шпорлюк).

На «интерналино-системном» уровне, затрагивающем структуру конкретного социума, выделены четыре функциональные сферы. Анализ советской действительности сквозь призму политической сферы, содержанием которой являются государство, власть и их функционирование, привел представителей англо-американской историографии к выводу об аналогичности советских структур и способов управления тем, которые существовали в признанных «национальных государствах». Выражением этого была концепция СССР как «государства» («state»). В рамках экономической сферы анализировался общесоюзный народнохозяйственный комплекс, сам факт существования которого воспринимался как доказательство экономического единства СССР. В словоупотреблении советской экономической науки сохранялись термины, производные от «нации»: «национализация» и «нацио-

нальный доход СССР». Трудности в определении СССР как полноценного национального государства возникали при анализе социальной сферы, и прежде всего гражданского общества, непременным условием которого является свободная самоорганизация граждан. Именно результаты изучения данной сферы были основой как для сомнений в характеристике СССР как национального государства, так и для определения его как «империи». Анализ СССР в перспективе способов жизнедеятельности и мироотношения поставил исследователей перед необходимостью структурирования его в измерении, во-первых, «культуры» и, во-вторых «способов жизнедеятельности». В самом простом варианте проблема разрешалась исследователями за счет отталкивания от перечня национальностей, бравшихся в качестве единиц анализа, вследствие чего, в зависимости от изначальных установок, СССР мог характеризоваться как «многонациональное государство» либо как «империя».

Третий уровень можно было бы назвать «номиналистическим» из-за сосредоточения на понятийном аппарате, «терминах», относящихся к сфере умственной жизни. На этом уровне на первый план выходят не функционирование социума и его подсистем, а само- и внешнее его описание. Его можно противопоставить первым двум как «функциональным», в рамках которых описывается повседневное существование общества. На этом основывается разделение изучения субъективных характеристик политий (подобных таким, как «нация», «империя»), которые должны стать, скорее, предметом «интеллектуальной истории», и изучения функционирования самого исторического феномена, которое позволило бы вычлениить общее и особенное, воздерживаясь от неясных и односложных характеристик. Примером является концепция «советского народа», активное развитие которой пришлось на 1960–1980-е гг. Она возникла в ходе дискуссий среди советских идеологов о характере сформировавшейся в СССР общности как аналоге отвергнутого Президиумом ЦК КПСС тезиса М.А. Суллова о возникновении в СССР единой нации. Показано, что в силу политических причин концепция «советского народа», вследствие отказа от ее этнической составляющей, неожиданно для ее творцов трансформировалась в концепцию социальной общности как совокупности людей, объединенных самим фактом сосуществования, по отношению к которой любые другие общности (включая этнические) были феноменами иного порядка. В связи с тем, что аналогичные подходы только еще формулировались в научных центрах стран Запада, а также в связи с основными идеологическими посылками, значение концеп-

ции было недооценено в СССР, и она была адаптирована к существовавшему уровню понимания социальных процессов.

На «конкретно-историческом» уровне исходными для анализа являются не формальные подходы, а эмпирическая реальность, с которой соотносятся создаваемые модели, возможности экстраполяции которых ограничиваются. Т. е. номиналистический аспект соотносится с функциональным. В данном случае эталон национального государства, выработанный в ходе развития европейских стран, ограничивается последними и противопоставляется на основе сходства по внутренней структуре и функционированию систем «государствам-континентам»: СССР / России, США, Бразилии, Индии. Отход от ограничения анализа национальным и этническим измерениями ведет к актуализации альтернативных моделей СССР как «сверхнационального»/«универсального» (В. Аспатурян, Г.Д. Гачев, А. Тойнби), «антинационального» (К. Калхун) государства.

В 1970–1990-е гг. на основе синтеза исторического знания и антропологических наблюдений складывалась альтернативная теоретическая модель СССР, еще требующая своего наполнения эмпирическими данными и коррекции. Это связано с тем, что в историографии СССР 1945–1991 гг. доминировал «процессуально-результативный» подход, заключающийся в описании тех или иных процессов («слияния наций и народностей», «строительства коммунизма», подъем благосостояния населения и т. д.), результатов политики (выражавшихся в количественных показателях). Он корреспондировал с «нациоцентрированной» ориентацией обществознания и исторических исследований, т. к. предметы и объекты исследования были связаны с целеполаганием (государственная политика, нацистроительство, предполагавшие для их оценки изменения от исходного состояния к эталонному). В рамках новой парадигмы ориентация на личностное начало, не требуя полного отказа от первого подхода, акцентирует внимание на сфере повседневности.

В третьей главе «Принципы и методы описания истории СССР 1945–1991 годов как полиэтнического социума в историографии» рассматриваются исходные, т. е. определяющие выбор фактов, их изложение и интерпретацию, принципы и модели описания истории СССР как национально и этнически гетерогенного исторического феномена.

В первом параграфе третьей главы «“Этнический” и “национальный” принципы структурирования Советской Евразии 1945–1991 годов в историографии» анализируются четыре способа структурирования общества, отношения к этнич-

ности и, соответственно, историографического описания исторической действительности СССР с использованием категорий этнологии: 1) подчеркивание «приграничных» состояний этничности; 2) «контекстуальное» (описание в рамках априорно заданной, но не осознаваемой или воспринимаемой как само собой разумеющейся ситуации); 3) «рамочность»; 4) «этницистский» принцип структурирования.

Отношение к этнокультурному многообразию претерпело значительную эволюцию и может быть разделено на три типа, каждый из которых представляет собой различные пути изучения конкретных этнокультурных ситуаций: 1) элиминация культурной сложности; 2) фиксация границ этнических и культурных общностей; 3) признание культурной и этнической сложности и различий самоценностью.

Основные принципы структурирования пространственно-географического измерения этнокультурной составляющей конкретного общества: 1) политико-государственный; 2) культурно-антропологический и историко-культурный; 3) институциональный подход.

Моделями представления истории СССР и выделявшихся в его рамках национально-государственных образований являются: 1) этно- (культуро-) центристская модель; 2) гражданско-политическая модель; 3) этатистская (государствотристская) модель.

В новейшей историографии способы описания субъектов, действовавших в Советской Евразии в условиях этнокультурного разнообразия, дифференцированы следующим образом: 1) *sub specie* (лат. – в перспективе; с точки зрения) «другого»; 2) *sub specie* «индивидуального субъекта»; 3) *sub specie* множественности.

Множественность способов приложения «этнического» и «национального» к описанию исторического процесса наталкивает на мысль об условности отождествления явлений с той или иной идентичностью или типологией объекта исходя из национального принципа, которые непонятны вне контекста либо авторского определения. Поэтому, например, СССР может выступать либо как «нация», то есть как исходная единица анализа, либо члениться по национальному принципу и характеризоваться как «многонациональное государство». Таким образом, может подчеркиваться единство либо, наоборот, гетерогенность описываемого пространства. Отчасти это следствие отсутствия четкой системы категорий и понятий, а также инструменталистского

подхода к описанию жизни, т. е. привнесения в историю целей, посторонних познанию (политических и т.п.).

Во втором параграфе третьей главы «Методы описания истории “многонационального” СССР в историографии» анализируются основные подходы к описанию истории СССР 1945–1991 гг. как полиэтнического государства, сложившиеся к настоящему моменту в российской и англо-американской историографии.

Выделены три пары методов описания СССР в категориях «национального» и «этнического»:

- 1) метод «однородного» и метод «сегментарного» описания;
- 2) метод «комплементарного» и метод «симметричного» описания;
- 3) метод «контекстуального» и метод «изолированного» описания.

В рамках метода «однородного» описания предполагается учет прежде всего процессов государственного масштаба. События, происходящие на иных уровнях (индивидуальном, региональном, этническом, институциональном) учитываются лишь в степени их значимости в общегосударственном масштабе. В рамках метода «сегментарного» описания исходным оказываются части («сегменты») СССР, где тот предстает в качестве сложно структурированной иерархии национально-государственных образований. Приоритетное внимание уделяется изучению «национально-государственного» измерения протекающих процессов.

Методы «комплементарного» и «симметричного» описания различаются по модели отношений между элементами разнообразия: «национальностями», национально-государственными образованиями, культурами. В рамках первого подразумевается, что полиэтничность рассматривается в качестве дополнения к основному массиву исследований. В рамках метода «симметричного» описания этнически и культурно гетерогенный СССР рассматривается без разделения составляющих его этнических и национальных элементов на «центр» и «периферию».

В рамках методов контекстуального и изолированного описания объектом выступает элемент национальной или этнической структуры. «Контекстуальный» метод заключается в том, что сам элемент включен в более широкую систему связей, учет которых позволяет сделать историческое описание более адекватным реальности. «Изолированное» описание предполагает отбрасывание всех лишних связей и полнейшее фокусирование на выбранном объекте.

В Заключении диссертации подведены общие итоги исследования, сделаны выводы, намечены основные направления и перспективы дальнейшего изучения национального и этнического измерений истории СССР 1945–1991 гг. В ходе работы установлено, что исследование СССР 1945–1991 гг. в национальном и этническом измерениях началось с конца 1940-х гг., опиралось на складывавшуюся к этому времени традицию его изучения в российской и англо-американской историографических традициях и прошло к настоящему моменту через два этапа, рубежным для которых был конец 1980–1990-х гг., время начавшегося методологического переворота. Лидерами последнего в англо-американской историографии были А. Мотыль, Р. Суни, Ю. Слезкин, в российской – В.А. Тишков, В.А. Шнирельман.

На первом этапе в обеих историографических традициях были созданы условия для изучения советского общества политологами, социологами, этнографами, антропологами, философами, историками. Исчезновение СССР привело к тому, что вместо анализа опыта изучения СССР произошло отвержение старого наследия. При этом прекратили существование целые направления исследований (в СССР историко-обществоведческое – основное и наиболее идеологизированное), но отдельные направления (этносоциология, например), благополучно пережили кризис.

На втором этапе, вследствие стремления понять внезапно, на взгляд многих, дезинтеграцию СССР и процессы на постсоветском пространстве, деятельность зарубежных исследователей оживилась. В российской историографии распад СССР отразился в свертывании в 1990-е гг. работ по изучению этнического и национального измерений истории СССР 1945–1991 гг., в том числе и из-за сосредоточения исследователей на внутренних проблемах России. В 2000-е гг. активную работу по изучению СССР ведут в англо-американской историографии М. Бейссингер, А. Вейнер, Г. Дерлугьян, С. Екельчик, Э. Линн, Т. Мартин, Д. Смит, А. Халид; в российской историографии – Н.Ф. Бугай, Е.Ю. Зубкова, Ш.Х. Кадыров, Г.В. Костырченко, Н.А. Митрохин.

Проблема типологии СССР отразилась в существовании в историографии сразу трех его моделей («многоснациональное государство», «империя», «нация»), если не включать в их число авторские, не получившие широкого распространения. Их общая черта состоит в том, что исходным для их формирования является факт принятия в качестве основного объекта анализа коллектива – «этнической группы», «нации». В связи с тем, что структура советского общества официально описывалась в этнических категориях (параллельно с классовыми), этнические группы в

СССР – «национальности» – представлялись в качестве одновременно объектов и субъектов советской политики. Различие между тремя моделями СССР состоит в различии оценок отношений между исходными «объектами/субъектами» – «национальностями»/«советскими нациями». Эгалитарные отношения позволяют характеризовать СССР как «многонациональное государство».

Адекватность выделенных моделей ограничена привязкой к одному из способов систематизации действительности. Каждая из них отражает ту или иную сторону развития СССР в 1945–1991 гг.: в рамках модели «многонационального государства» описывается развитие регионов страны; в контексте модели «империи» рассматривается практика управления страной и несоответствия в ряде случаев действительности провозглашаемым лозунгам; в рамках модели «нации» изучаются соответствие приемов государственного управления страной таковым в «национальных государствах» и процессы консолидации населения страны. Видение данных моделей как односторонних привело к комбинированию их для характеристики СССР. Анализ функционирования советского социума позволил создать предпосылки для отхода от привычных моделей, что прослеживается в концепции «советского народа как новой исторической общности».

За шесть с лишним десятилетий исследования СССР периода 1945–1991 гг. претерпели значительные изменения. В совокупности они ведут к парадигмальному сдвигу, выражающемуся в смене объекта исследования. В рамках классических европейских парадигм (западноевропейской и восточноевропейской) объектом внимания являются: 1) территориальная нация, совпадающая с государством; 2) нация как культура, выделяемая по языковому принципу, то есть экстерриториальный феномен. Однако в обоих случаях «нация» и «этническая группа» берутся как самоценные и статичные либо развивающиеся по своей логике независимо от условий существования и окружения величины. Обе понимаются как синтетические категории, в которых соединились культурный, социальный и политический аспекты жизни. В результате из-за несходства параметров эти величины оказались несопоставимыми друг с другом. Советский и мировой опыт второй половины XX в. имел следствием переосмысление значения категорий «нация» и «этничность». В частности, происходит разложение последних, прежде синтетических, понятий на составляющие, а также переход к динамическому их пониманию как процесса. Как следствие, новыми объектами внимания становятся индивид, локальные и групповые традиции, дифференциация и интеграция.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах (в соответствии с перечнем ВАК)

1. Концептуальные основы изучения наций и этничности в СССР 1945–1991 гг. в англо-американской историографии // Уральский исторический вестник. 2009. № 25 (4). С. 56–64.

Статьи в сборниках научных трудов и материалах конференций

1. 1917 год и «национальный вопрос» в СССР в теориях социокультурных систем Д.Л. Андреева, М.Я. Гефтера, Ю.М. Лотмана // Россия в 1917 году: материалы регион. науч. конф. студентов и молодых ученых: В 2 ч. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. экон. ун-та, 2007. Ч. I. С. 32–36.

2. К проблеме СССР как многонационального государства // Экономическая история XX века: проблемы историографии: сб. науч. тр. / Отв. за выпуск А.В. Трофимов. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. экон. ун-та, 2008. С. 76–91.

3. Дискуссии о региональных рамках исследований в современной англо-американской историографии национализма и этничности в СССР // Конкуренентоспособность территорий и предприятий в формирующейся новой экономике: материалы XI Всероссийского форума молодых ученых и студентов: Ч. 3. Екатеринбург, 2008. С. 49.

4. А.А. Амальрик об этнополитической стабильности СССР // Проблемы развития российской государственности: материалы межвузовской науч. конф. молодых ученых и студентов / ред. кол. А.В. Трофимов, И.В. Борзихина. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. экон. ун-та, 2008. С. 52–57.

5. О генезисе модели описания СССР как «империи» в англо-американской советологии // Региональное измерение экономической истории России XX века: проблемы историографии: сб. науч. тр. / Отв. за выпуск А.В. Трофимов. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. экон. ун-та, 2008. С. 82–94.

6. Национальный принцип структурирования пространства в историографии СССР 1945–1991 гг. // Опыт и перспективы этнокультурного взаимодействия на евразийском пространстве. К саммиту стран-участниц ШОС 2009 г. в Екатеринбурге: материалы межвузовской науч.-практ. конф. (с международным уча-

стием). Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. экон. ун-та, 2009. С. 84–90.

7. К вопросу о положении малых народов Севера в историографической «картине» СССР 1945–1991 гг. // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 65-летию Тюменской области / Под ред. Г.Ю. Колевой. Тюмень: ТюмГНГУ, 2009. С. 183–185 (в соавт. с А.В. Трофимовым).

8. Модернизация полиэтнического социума в СССР (Теоретические аспекты) // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: Региональное измерение: Материалы Всероссийской науч. конф. / Отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. С. 376–384 (в соавт. с А.В. Трофимовым).

Подписано в печать 06.09.2010.
Формат бумаги 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать плоская. Печ. л. 1,62. Усл.-печ. 1,5
Заказ 606. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в подразделении оперативной полиграфии
Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной воли, 62/45

10-